

Желание как конститутивный компонент субъекта.

Научный руководитель – Кузнецов Василий Юрьевич

Одинцов Павел Сергеевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: Odintsow.pav@yandex.ru

Анализ желания как конститутивного компонента субъекта радикально отличается от изучения, например, познавательных способностей субъекта или прояснения его онтологического статуса.

Прежде всего, следует сказать о том, что аналитика желания может осуществляться лишь имманентно, учитывая желающее измерение самой теоретизирующей речи. Более того, одной только подобной рефлексивностью, присущей и другим формам обращения с субъектом, дело не ограничивается. Уже Гегель указал на то, что познание способностей познания осуществляется из познавательной перспективы[1]. Хайдеггер также понимал, что аналитика "верно понятого субъекта", *dasein*, кружится в герменевтическом круге "сущего, для которого речь в бытии его идет о самом его бытии"[5].

Чем от этого отличается аналитика субъекта желания? Тем, что, в отличие от гегелевского или хайдеггеровского дискурса стремится учитывать не только измерение истины субъекта, но и измерение того преобразования, которое субъект переживает, чтобы эту истину воспринять. Как показал Фуко в своих проектах [4] "герменевтики субъекта" и исследованиях "субъекта и истины", даже наиболее передовые формы философского концептуального анализа вынуждены опираться в своем развертывании на предпосылку необходимости определенного субъективного "преобразования себя". В этом смысле, например, кантианские или гуссерлианские формы чистого анализа не менее трансформативны для субъекта, чем неоплатонический гнозис или стоические ритуалы подготовки ко сну.

По этой причине в своей чистейшей рефлексивности гегелевские построения оказываются все еще недостаточно рефлексивны. Для их реализации недостаточно феноменологического движения сознания, приходящего к самому себе. Необходимо еще и учет тех преобразований, которые должен пройти субъект, приобщающийся, скажем, к гегелевскому философскому корпусу. В случае гегельянства это звучит, тем не менее, слишком абстрактно, поэтому нам хотелось бы привести более явный пример, который бы прояснил, что именно мы имеем в виду.

Так, Фрейд пишет в одном из поздних предисловий к "Толкованию сновидений"[3] о том, что его задачи относительно этой книги со временем значительно изменились. Если раньше ему нужно было исследовать строение сновидений и раскрывать загадки бессознательного, то сейчас все его усилия направлены на одну цель - преодоление сопротивления, которым публика встречает его книги. В терминах Фуко мы могли бы сказать, что раньше Фрейд занимался раскрытием истины субъекта, его устройства и логики функционирования. Теперь же ему пришлось столкнуться с тем фактом, что взятый в сыром виде субъект к восприятию этой истины не готов. Более того, сама неготовность субъекта к этой самой истине является одной из его сущностных характеристик. Далее, суждение об этой неготовности истинно. Но и его, в свою очередь, субъект тоже не смог бы просто так воспринять.

Этот гордиев узел разрубает Лакан, указывая на то, что субъект вообще не испытывает к истине особого пиетета, обходится с ней как попало, и постоянно отвлекается то на революционные устремления, то на горячий шоколад[2]. Лакан лишает нас тем возможности и дальше уповать на то, что нам достаточно открыть истинное строение субъекта, и показывает, что субъект этому открытию был бы не рад. Взамен Лакан дает нам только две вещи — тезис о том, что субъект является субъектом желания, и определение, согласно которому "желание — это желание Другого".

Источники и литература

- 1) Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974.
- 2) Лакан Ж. Семинары. Книга 17. Изнанка психоанализа (1969/1970). М.: Гнозис, Логос, 2008.
- 3) Фрейд З. Толкование сновидений. Минск: Попурри, 2003.
- 4) Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб: Наука, 2007.
- 5) Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ад Маргинем, 1997.